

УДК 009:82(091) (Гуманитарные науки в целом. История литературы (в целом))

МОДЕРНИЗАЦИЯ КЛАССИКИ В ДРАМАТУРГИИ 1920-Х ГОДОВ («ТОВАРИЩ ХЛЕСТАКОВ» ДМ.СМОЛИНА)

© 2017 Т.И.Дронова

*Дронова Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы.
E-mail: lida52@mail.ru*

Саратовский научно-исследовательский государственный университет
им. Н.Г.Чернышевского. Саратов, Россия

Статья поступила в редакцию 21.06.2016

Модернизация классики – одна из ведущих тенденций художественного процесса 1920-х гг. Как форма диалога с предшественниками она была подготовлена символистскими интерпретациями творчества Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского. Наследие Н.В.Гоголя было прочитано символистами как исполненное «пробуждающих» смыслов, как пророчество о судьбе России. В книге «Гоголь и черт» (1906) Д.С.Мережковский вывел Хлестакова на сцену современной действительности: в театре, журналистике, «на страницах всемирной истории» пишет бессмертный гоголевский персонаж свои «водевильчики» [1]. Н.Бердяев в статье «Духи русской революции» (1918), размышляя об укорененности гоголевских героев в современной, теперь уже постреволюционной, действительности, видит в них выразителей глубинных проявлений русской души, ее демонических сторон. Вслед за Мережковским, Бердяев утверждает: «...творчество Гоголя есть художественное откровение зла как начала метафизического и внутреннего, а не зла общественного и внешнего... И сейчас после всех реформ и революций Россия полна мертвыми душами и ревизорами...» [2]. По мнению философа, «бессмертные образы Хлестакова, Петра Верховенского и Смердякова на каждом шагу встречаются в революционной России ... они подобрались к самым вершинам власти» [2, с. 56].

Вывод. Пьеса Дм. Смолина, задуманная как переложение гоголевского текста, перерастает свой жанр. А отдельные реплики персонажей, ситуации, художественные приемы превосходят блистательные сатирические произведения 1920-х гг.

Ключевые слова: наследие Н.В.Гоголя как текст, прочитанный символистами; пьеса Дм.Смолина как переложение гоголевского текста; художественные приемы произведения; превосхождение сатиры 1920-х гг.

Первым откликом художественной словесности 1920-х гг. на «повторяемость» гоголевских сюжетов и «возрождение» гоголевских персонажей стала «перелицовка» классических текстов. У истоков этой тенденции – пьеса Дм. Смолина «Товарищ Хлестаков» (1921), запечатлевшая «невероятное происшествие в Ресефесере» – чудесное «воскрешение» любимого гоголевского героя в послереволюционную эпоху. Пьеса Дм. Смолина, как справедливо отмечает ее публикатор А.Колганова, «решена как своеобразная трагедия» [3]. При этом автор, на наш взгляд, не ограничивается довольно удачным переложением гоголевского произведения. Включая в пьесу в качестве II действия «Сон Хлестакова», он выступает как наследник гоголевской фантастической традиции в целом. Драматург не упускает возможности ввести в сновидение в качестве действующих лиц персонажей из разных произведений Гоголя (городничего, Абдулина, Дер-

жиморду из «Ревизора» и тень титулярного советника Поприщина из «Записок сумасшедшего»). Гоголевские герои приносят в произведение о современности атмосферу первоисточника, ситуации, цитаты, реминисценции, на узнавание которых рассчитывает автор.

В пьесе Дм. Смолина Хлестаков, перенесенный в конкретно-историческую эпоху начала нэпа, уже не «мелкий петербургский чиновник», «выскочивший из «петровской табели о рангах», как писал о нем Д.С.Мережковский, а «товарищ», приехавший «с чрезвычайными полномочиями из Москвы» в город, откуда умчался он некогда под звон колокольчика на птице-тройке. В списке действующих лиц первым назван «Хлестаков – особоуполномоченный» [4]. Нарушая гоголевскую последовательность расположения персонажей, Дм. Смолин делает сильный ход – утверждает появление новой социальной иерархии. Остальных героев драматург располагает не по

«закону социальной пирамиды» [5], как у Гоголя, а по значимости в сюжете. При этом каждый из гоголевских персонажей включен в новую структуру общества. Анна Андреевна служит регистраторшей, Марья Антоновна – машинисткой, Осип – агент для поручений при Хлестакове. Другие гоголевские персонажи стали при новой власти спецами: Лука Лукич – спец по Наробразу, Ляпкин-Тяпкин – спец по Земотделу, Земляника – спец из Собеса, Шпекин – спец из Почтеля, записавшийся кандидатом в Комьячейку, Бобчинский и Добчинский – инструктора, Мишка – курьер. Социальную остроту придает введение образов унтер-офицерской вдовы, высеченной в ЧК, и жены купца Абдулина, с которой взяли подписку о невыезде (34). Обе просят у Хлестакова защиты от всемогущей организации. Как и в «Ревизоре», в «Товарище Хлестакове» обыгрывается тема страха героя перед разоблачением, не замечаемая действующими лицами пьесы: «Мишка: Товарищ Хлестаков, там жена Абдулина-унтера, офицерская вдова, прямо в двери ломится. Жалиться хотят, на Чеку... / Хлест.: Что? Что такое? На кого – в Чека? Пожалуйста, я не боюсь. / Мишка: Вам, значит, на Чека жалиться... защиты у вас ищут. / Хлест.: А! Хорошо. В таком случае, пусть войдут» (14).

В I явлении I акта определяются условия игры с гоголевским текстом: действие происходит в том же самом месте, но в другое время, о чем свидетельствует авторская ремарка: «Гостиная городничего, тут же за ширмой – две постели; умывальник, шкаф с посудой <...> и проч., видно, что “уплотнены”» (6). В этой обстановке регистраторша Анна Андреевна и машинистка Марья Антоновна ожидают появления Хлестакова, о приезде которого Анна Андреевна узнала, прочитав телеграмму на имя председателя. Образы Анны Андреевны и Марьи Антоновны раскрываются наиболее близко к тексту гоголевской пьесы. Диалоги героинь, позволяющие драматургу сатирически обрисовать характеры в новых исторических обстоятельствах, сохраняют не только структуру, но и включают целые фрагменты первоисточника, тем отчетливее проступают фантазмагорические черты нового времени. В речи Анны Андреевны остро сталкиваются два взаимонепроницаемых языковых стиля: лексика провинциальной «светской дамы» и советский новояз, с его аббревиатурами. Дм. Смолин не упускает возможности выявить абсурдность бюрократического устройства новой власти, продемонстрировав непроизносимость названий государственных учреждений: «Мар. Ант.: А

вы, маменька?.. даже никогда не помните названия, где вы служите... / Ан. Андр.: Нет, помню: – подьотделе упразднения. / Мар. Ант.: Вот, и с самого начала неверно: в подьотделе восстановления отдела упразднения Главзастоя комиссариата на бездействие» (7).

Безусловно, любое осовременивание классического произведения невозможно без потерь. Дм. Смолин избирателен в следовании гоголевской традиции. Метафизический план претекста, столь отчетливо проявленный в философской критике 1900–1910-х гг., в его произведении лишь намечен. Автором 1920-х гг., по преимуществу, выявляется социально-нравственная опасность современных хлестаковых. Дело не в том, что «инструкторишко простой», как называет его Осип, выдает себя за особоуполномоченного, а в том, что любой инструкторишко, имеющий какой-либо мандат, обретает вместе с ним всю полноту власти. Образ Хлестакова не получает в пьесе Дм. Смолина той многомерности художественного воплощения, которая характерна для первоисточника. Н.В.Гоголь, характеризуя своего героя в «Отрывке из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору», делает акцент на общечеловеческом характере ведущей страсти своего героя: «Всякий хоть на минуту, если не на несколько минут, делался или делается Хлестаковым...» [6]. Дм. Смолин сосредоточивает внимание на мимикрии героя, его поразительной приспособляемости к новым социально-политическим обстоятельствам. Смолинский Хлестаков, подобно его прототипу, лжет, примеривая на себя разные роли. Но, в отличие от гоголевского персонажа, он предстает в пьесе, в первую очередь, как герой-перевертыш в политическом плане. Во «Сне Хлестакова», организующем II действие пьесы, герой готов принять должность канцлера в реставрируемой монархии, а ранее, как выясняется, был на службе у империалистов. В «реальном» времени пьесы он выдает себя за человека, взошедшего на вершины новой власти. Сохраняя общую структуру гоголевского образа, драматург остроумно обыгрывает изменения, произошедшие в системе ценностей. Подобно своему классическому прототипу, герой «на дружеской ноге» с великими мира сего. Но, если в «Ревизоре» Хлестаков претендует на то, чтобы именоваться литератором и быть с Пушкиным «на дружеской ноге», то в пьесе Дм. Смолина герой представляет себя одним из власть имущих. По аналогии с рассказом гоголевского Хлестакова об управлении департаментом строится мо-

нолог товарища Хлестакова о дружбе с вождями и управлении государством: «Один раз Ленин с Троцким куда-то уехали, а куда неизвестно. Ну, натурально – тревога. Руководящих указаний никаких. Говорят: “Одна надежда – на Ивана Александровича”. И в ту же минуту по улицам курьеры ... курьеры ... курьеры... Четыреста тысяч одних курьеров... “Идите, говорят, Иван Александрович ... руководить”. – “Извольте, – говорю. – Я вам коммунизм введу. Но, только уже у меня ни ... ни ... ни... У меня все по томам Карла Маркса”» (14–15).

«Перелицовка» гоголевского сюжета позволяет драматургу создать острую сатиру на современность. В пьесе Дм. Смолина хлестаковщина представлена как всепроникающая субстанция, как доминанта нового строя. Утопичность идей переделки мира и бюрократический характер новой власти, слиться с которой стремятся герои пьесы, реализуется в буффонадных сценах. В III действии пьесы, имеющем название «В официальном месте», перед Хлестаковым, собирающимся отправиться вместе с дамами (Марьей Антоновной, Анной Андреевной) в столицу (в собственном вагоне), проходит «парад» гоголевских и современных персонажей, пытающихся получить покровительство особоуполномоченного Хлестакова в продвижении проектов государственного масштаба, абсурдного характера и коммерческой направленности. Ляпкин-Тяпкин предлагает проект штатов и сметы Главного Комитета «по управлению породистыми псарнями Республики» («Главсобака»); Земляника разработал положение и смету для организации Комитета «по социальному обеспечению покойников» («Главмогила»); Бобчинский и Добчинский выступают как соавторы докладной записки о ре-

волюционном воспитании грудных детей с приложением проекта «О революционной детской соске с музыкой» (29) и др.

Как и у Гоголя, в пьесе Дм. Смолина бытовой рисунок совмещен с буффонадой и фантазмагорией, показательно, что фантазмагорический план не закреплен только за «сном хлестакова», но пронизывает и «реальное» настоящее пьесы. Драматург вводит сюжетную линию Ивана Ивановича Шкура, утратившего лицо, а потом и голову от исторических передеряг и утверждающего, что «теперь все Иван Ивановичи или без лица или без головы» (16). Именно этот герой, получивший от парикмахера после нескольких неудачных «примерок» голову «со здравым смыслом», обретает способность видеть все в истинном свете: «Ив. Ив.: ...чушь какая-то кругом. Ерунда... но что это за рыла? Что за рыла?.. Но где из вас самый главный?.. Где это ваше шкурническое легкомыслие и блудословие и ложь на тоненьких ножках? (К Хлестакову) А! вот ты где! Вот где! Теперь от меня не уйдешь! Я всем расскажу, кто ты... / Хлест.: Не буду ... не буду ... я больше не буду...» (20). И просыпается. Но сон, как мы узнаем в финале, оказывается «пророческим» в XIV явлении III действия, завершающем пьесу, вновь, теперь уже не во сне, а наяву, Иван Иванович разоблачает гоголевских персонажей.

Представляется, что пьеса Дм. Смолина, задуманная как переложение гоголевского текста, перерастает свой жанр. А отдельные реплики персонажей, ситуации, художественные приемы предвосхищают блистательные сатирические произведения 1920-х гг. (пьесы Н.Эрдмана и В.Маяковского; «Похождения Чичикова» и «хлестаковские» устные рассказы М.Булгакова о «Дружбе со Сталиным» и др.).

1. См.: Мережковский Д.С. Гоголь и черт // Мережковский Д.С. В тихом омуте: статьи и исследования разных лет. М., "Советский писатель", 1991. С. 222.
2. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции С.А.Аскольдова, Николая Бердяева, Сергея Булгакова, Вячеслава Иванова, А.С.Изгоева, и др... 1990. М., Изд-во Московского университета, СП Ост Вест Корпорейшен, 1990. С. 58.
3. Колганова А.А. Послесловие // Новое лит. обозрение. 1994. №7. С. 37.
4. Смолин Дм. Товарищ Хлестаков. (Невероятное происшествие в Ресефесере) // Новое лит. обозрение. 1994. №7. С. 5. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.
5. Прозоров В.В. «Ревизор» Гоголя, комедия в пяти действиях. Саратов, Изд. центр «Добродея», 1996. С. 15.
6. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 7 томах, том IV. М., Изд-во, Художественная лит-ра, 1977. С. 385.

MODERNIZATION OF CLASSICS IN THE DRAMA OF THE 1920'S ("COMPANION HLESTAKOV" BY DM.SMOLIN)

© 2017 T.I.Dronova

Tatyana I. Dronova, candidate of philological sciences, associate professor of Russian and foreign literature.

E-mail: lida52@mail.ru

Saratov State National Research University. Saratov, Russia

Modernization of classics is one of the major tendency of artistic process of the 1920's. As the form of the dialogue with predecessors it was prepared by symbolist interpretations of works of Pushkin, Lermontov, Gogol, Dostoevskij. The body of work of Gogol was read by symbolists as instinct with originative meanings, as prediction about the fate of Russia. D.S.Merezhkovskij removed of Hlestakov on stage of the modern reality in the book "Gogol and devil"(1906):immortal character of Gogol write his "vaudevillchiki" in the theatre, journalism, "on pages of world history". N.Berdyaeв in the article "Geniuses of Russian revolution"(1918), thinking about rootedness of Gogol characters in modern, by now postrevolutionary reality, sees in these characters exponents of remote manifestation of Russian soul, its demonical sides. Berdyaeв confirms after Merezhkovskij:"...the work of Gogol is the artistic revelation of evil as the beginning of metaphysical and inner, and not social and external evil...And now after the all reforms and revolutions, Russia is filled by deadheads and inspectors...". In sophist opinion, "immortal characters of Hlestakov, Petr Verhovenskij, Smerdjakov are met at every step in the Revolutionary Russia...they got access to some of the most summit of power".

Conclusion: play by Dm.Smolin is conceived as transposition of text of Gogol, and it grows its genre. And certain retorts of characters,situations, artistical devices anticipate magnificent satirics of the 1920's.
*Keywords:*the body of work of Gogol as text, read by symbolists; Play by Dm.Smolin is conceived as transposition of text of Gogol; artistical devices of work; anticipation of satire of the 1920's.

1. Sm.: Merezhkovskii D.S. Gogol' i chert (Gogol and devil). Merezhkovskii D.S. V tikhom omute: stat'i i issledovaniia raznykh let. M., "Sovetskii pisatel", 1991. S. 222.
2. Berdiaev N.A. Dukhi russkoi revoliutsii (Geniuses of Russian revolution). Iz glubiny. Sbornik statei o russkoi revoliutsii S.A.Askol'dova, Nikolaia Berdiaeva, Sergeia Bulgakova, Viacheslava Ivanova, A.S.Izgoeva, i dr... M., Izd-vo Moskovskogo universiteta, SP Ost Vest Korporeishen, 1990. S. 58.
3. Kolganova A.A. Posleslovie (Epilogue). *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1994, no. 7. S. 37.
4. Smolin Dm. Tovarishch Khlestakov. (Neveroiatnoe proisshestvie v Resefesere) (Companion Hlestakov. (Inconceivable event in Resefeser). *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1994, no.7. S. 5. Dalee sсыlki na eto izdanie daiutsia v tekste s ukazaniem stranitsy.
5. Prozorov V.V. «Revizor» Gogolia, komediia v piati deistviiakh («Inspector» by Gogol, comedy in five acts.). Saratov, Izdatel'skii tsentr «Dobrodeia»,1996. S. 15.
6. Gogol' N.V. Sobranie sochinenii: v 7 tomakh, tom. IV. (Seven-book set, volume IV). M., Izd-vo, Khudozhestvennaia lit-ra, 1977. S. 385.